

**Газета ежедневная, кромѣ понедѣльниковъ.**

**IX-й годъ изданія.**

**Иркутскъ. Воскресенье, 22 марта 1915 года.**

# СИБИРЬ

**Подписная цѣна:** внутри Имперіи: на годъ съ пересылкой и доставкой на домъ—9 руб., на полгода—5 руб., на три мѣсяца—3 р., на 1 мѣсяць—1 р. За границу: на годъ—14 р., на  $\frac{1}{2}$  года—8 р., на  $\frac{1}{4}$  года—5 р., на 1 мѣсяць—2 р. Подписка для городскихъ подписчиковъ принимается съ 1 и 15 каждого мѣсяца, иногородныхъ же—только съ 1 числа. За перемѣну адреса—40 к. **Разрѣчка годовой платы не допускается.**

Цѣна объявленій за строку пети́та: впереди текста—20 к., позади текста—10 к.; иногородныя объявленія за строку пети́та: впереди текста—30 к., позади текста—15 к., объявленія прислуги и рабочихъ—20 к. за 3 строки. Подписная плата и плата за объявленія марками и въ кредитъ не допускается. За предлагаемыя къ газетѣ легучки-объявленія въ Иркутскъ—5 руб., иногороднымъ—7 руб. за каждую тысячу экземпляровъ въсомъ не болѣе одного лота.

Редакція и контора газеты помѣщаются въ домѣ Шафигуллина, Большая улица, противъ Блзговѣщенской церкви

По дѣламъ редакціи можно обращаться въ помѣщ. ред. отъ 12 до 2 ч. дня ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней.

Присылаемые въ редакцію статьи и сообщенія должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ листа, съ обозначеніемъ фамиліи и адреса автора. Рукописи, въ случаѣ надобности, подлежатъ измѣненіямъ и сокращеніямъ. Рукописи, доставленные безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются бесплатными. Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ уничтожаются. Мелкія статьи совсѣмъ не возвращаются.

**Контора** газеты открыта съ 9 ч. угра до 5 ч. вечера. Телефонъ редакци и конторы газеты № 431. Телефонъ редактора № 356.

Срочныя объявленія послѣ 5 ч. веч. могутъ быть отдаваемы въ типографію И. П. Казанцева. Телефонъ типографіи № 297.

**Цена номера в розничной продаже — 5 коп.**

а также въ конторахъ Торг. Дома Л. и Э. Метцль и К<sup>о</sup> (Москва—Мясницкая, д. Сытова; Варшава—Маршалковская, № 130; Петроградъ—Б. Морская, 11; Вильна—Большая, 38; Лодзь—Петровская, № 102).



«Автобиография? У меня болѣзнь: автобиографофобия. Читать про себя какія-либо подробности, а тѣмъ паче писать для печати—для меня это истинное мученіе. На отдѣльномъ листочкѣ посылаю нѣсколько датъ, весьма голыхъ, а больше не могу». («Письма», т. V).

И онъ дѣйствительно далъ только нѣсколько голыхъ датъ, когда и гдѣ родился, гдѣ учился и когда началъ писать, и цѣнное признаніе, что занятія медицинскими науками оказали серьезное влияние на его художественное творчество и уберегли «отъ многихъ ошибокъ». Вся автобиография умѣстилась на одной страничкѣ.

Но все-таки автобиографію А. П. Чехова мы имѣемъ. Правда, онъ ее не читалъ, не видѣлъ въ печати, но мы читаемъ ее, читаемъ съ захватывающимъ интересомъ. Она своеобразна, многообразна и многотомна, эта автобиография А. П., и называется: письма А. П. Чехова.

Годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, порою, день за днемъ раскрывается передъ нами большой художникъ и чудесный человѣкъ интересную жизнь свою, свои радости и печали, настроенія и мысли.

И какъ рассказываетъ-то! Чеховскимъ стилемъ, щедрой рукой богача разсыпая перлы своего искристаго неподражаемаго юмора, вкрапывая въ рассказъ обиліе художественныхъ миниатюръ. Вотъ такихъ, наприкладъ:

«Въ Севастополѣ въ лунную ночь я вѣздилъ въ Георгіевскій монастырь и смотрѣлъ внизъ съ горы на море; а на горѣ—кладбище съ бѣлыми крестами. Было фантастично. И около келій глухо рыдала какая-то женщина, пришедшая на свиданіе, и говорила монаху умоляющимъ голосомъ: «Если ты меня любишь, то уйди» (Письма, т. V).

Пятый томъ писемъ А. П. Чехова охватываетъ періодъ съ 1897 по 1899 г.г. включительно. Три года жизни уже совершенно развернушагося гениальнаго писателя, жизни съ ярко выраженной болѣзью (въ мартѣ 1897 г. болѣзнь окончательно опредѣлилась), заставляющей Чехова не только жестоко страдать и физически и духовно, но и томиться въ Ниццѣ, а потомъ въ Ялтѣ.

«Я въ Ялтѣ, въ ссылкѣ, быть можетъ, и прекрасной, но все же въ ссылкѣ...» «Скучна роль человѣка не живущаго, а проживающаго «для поправки здоровья», ходишь по набережной и по улицамъ, точно заштатный попъ» (Письма, т. V).

Эти жалобы на скуку и томленіе пронизываютъ всѣ ялтинскія письма. Дѣятельная душа художника стремится вонъ изъ вынужденной ссылки, изъ прекрасной коробочки—Ялты, стремится въ жизни, къ любимому и дѣйствительному сѣверу. Какъ сестры «Трехъ сестеръ» мечтаютъ о символической Москвѣ, такъ ихъ творецъ мечтой своей уносится на сѣверъ, къ центрамъ культурной жизни страны. И радуется радостью ребенка, когда удается вырваться изъ Ялты, изъ тины ялтинской обывательщины, говорящей только о болѣзняхъ, рѣдко о литераторахъ и никогда—о литературѣ.

Письма Чехова переполнены мыслями о художественной литературѣ и явленіяхъ, съ нею связанныхъ. Тонкій художникъ и цѣнитель, онъ съ восторгомъ привѣтствуетъ въ литературѣ все то, что цѣнно, что не «лимонадъ». Каждый новый талантъ, несущій въ литературу «пьянящій и поработочающій алкоголь», приводитъ его въ безграничную радость.

Въ 1897—1899 г.г. на небѣ русской литературы ярко заблестѣла художественная звѣзда М. Горькаго. Чуткій Чеховъ немедленно же любовно тянется къ Горькому, привѣтствуетъ художника-самородка, ободраетъ, удивительно чутко и тонко отмѣчаетъ достоинства и недостатки его яркаго творчества, даетъ цѣнные совѣты и указанія.

«Вы спрашиваете,—пишетъ Чеховъ Горькому въ 1898 г.,—какого я мнѣнія о вашихъ рассказахъ. Талантъ несомнѣнный и при томъ настоящій, большой талантъ... Вы—художникъ, умный человѣкъ, вы чувствуете превосходно, вы

пластичны, т. е. когда изображаете вещь, то видите ее и ошупываете руками. Это настоящее искусство... Недостатки? Говорить о недостаткахъ таланта—это все равно, что говорить о недостаткахъ большого дерева, которое растетъ въ саду, тутъ вѣдь, главн. образомъ, дѣло не въ самомъ деревѣ, а во вкусахъ того, кто смотритъ на дерево... У васъ, по моему мнѣнію, нѣтъ сдержанности. Несдержанность чувствуется въ описаніяхъ природы (но вы настоящій пейзажистъ) и въ изображеніяхъ женщинъ (Мальва, На плотахъ) и любовныхъ сценъ... Въ изображеніи интеллигентныхъ людей чувствуется напряжение, какъ-будто осторожность». И еще: «Вамъ менѣе всего присуща именно грубость, вы чувствуете тонко и изящно. Единственный недостатокъ—нѣтъ сдержанности, нѣтъ граціи. Когда на какое-нибудь опредѣленное дѣйствіе человѣкъ затрачиваетъ наименьшее количество движеній, то это грація. Въ вашихъ же затратахъ чувствуется излишество» (Письма, т. V).

Эти выдержки ясно подчеркиваютъ, какъ проникновенно чувствовалъ А. П. творчество М. Горькаго...

Всегда на стражѣ интересовъ искусства—вотъ неизмѣнная позиція Чехова. Онъ—въ одной изъ московскихъ клиникъ, серьезно больной. Навѣститъ его приходитъ Л. Н. Толстой. Говорятъ о литературѣ, искусствѣ, о работѣ Толстого надъ извѣстной книгой объ искусствѣ. Послѣ бесѣды съ Толстымъ Чеховъ пишетъ А. И. Эртелю: «Толстой пишетъ книжку объ искусствѣ. Мысль у него не новая; ее на разные лады повторяли всѣ умные старики во всѣ вѣка. Всегда старики склонны были видѣть конецъ міра и говорили, что нравственность пала до *plus ultra*, что искусство измѣлчало, износилось». Прочитавъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выдержки изъ книги Толстого, Чеховъ добавляетъ: «Все это старо. Говорить объ искусствѣ, что оно одряхлѣло, вошло въ тупой переулочекъ, что оно не то, чѣмъ должно быть, и проч.,—это все равно, что говорить, что желаніе ѣсть и пить устарѣло, отжило и не то, что нужно. Конечно, голодъ—старая штука, въ желаніи ѣсть мы вошли въ тупой переулочекъ, но ѣсть все-таки нужно и мы будемъ ѣсть, что бы тамъ ни разводили на бобахъ философы и сердитые старики».

Разсыпая по письмамъ массу мыслей о приемахъ художествен. творчества, о томъ, какъ нужно писать, дабы съ наименьшей затратой творческой энергіи и словъ достигнуть максимальной художественной граціи, этотъ мастеръ стили, учитель художниковъ попутно вводитъ насъ и въ лабораторію своего творчества. Въ письмѣ къ О. Д. Батюшкову (Батюшковъ обратился къ Чехову, жившему въ это время въ Ниццѣ, съ просьбой написать для «Cosmopolis'a» интернациональный рассказъ, взявши сюжетомъ что-либо изъ жизни Ниццы), Чеховъ говоритъ:

«Обыкновенно я пишу медленно, съ напряженіемъ. Такой рассказъ могу написать только въ Россіи, по воспоминаніямъ. Я умѣю писать только по воспоминаніямъ, и никогда не писалъ непосредственно съ натуры. Мнѣ нужно, чтобы память моя процѣдила сюжетъ и чтобы на ней, какъ на фильтрѣ, осталось только то, что важно или типично». Свои вещи Чеховъ всегда старательно обрабатываетъ, отдѣлываетъ не только до передачи въ печать, но и въ корректурѣ. Въ корректурѣ онъ работаетъ надъ фразой («фразу надо дѣлать—въ этомъ искусство»), надъ музыкальной стороной произведенія.

Хочется остановиться еще на одномъ чрезвычайно важномъ обстоятельстве.

«Свободный художникъ» Чеховъ—анти-общественникъ. И при жизни писателя и послѣ смерти его это опредѣленіе считалось истиной. Только теперь за послѣдніе годы истина эта померкла, превратилась въ свою противоположность, оказалась одной изъ легендъ, въ такомъ изобилии творимыхъ у насъ въ Россіи.

Письма А. П. Чехова не оставили отъ легенды этой камня на камнѣ. Справедливо, что художникъ не былъ

политическимъ борцомъ. Но онъ былъ гражданиномъ, неутомимымъ, серьезнымъ культурно-общественнымъ дѣятелемъ, онъ болѣлъ болѣзнями своей родины и не только родины, но и всего культурнаго міра. Неутомимо, не покладая рукъ, несъ этотъ свободный изъ нашихъ художниковъ повседневную культурную работу: строилъ школы, работалъ въ земствѣ, весь уходилъ въ борьбу съ эпидеміями, голодомъ, привѣтствовалъ и поддерживалъ всякое культурное начинаніе, работалъ надъ созданіемъ народнаго дома съ библиотекой, народнымъ художествен. театромъ и т. д. Онъ, очень часто во вредъ своей писательской дѣятельности, энергично клалъ и свои книги въ созидающееся зданіе новой культурной Россіи. Всѣ съ новой Россіей, Чеховъ совершенно сознательно не вмѣшивался въ гущу политической жизни страны, а шелъ своей широкой дорогой художественнаго творчества...

Между прочимъ, исключительно на почвѣ общечеловѣческой произошелъ и разрывъ Чехова съ Суворинымъ. Рѣшительнымъ толчкомъ къ полному разрыву послужила ужасная «дрейфусида». Чеховъ рѣзко и опредѣленно занялъ позицію защитниковъ Дрейфуса («Каша заварилась на почвѣ антисемитизма, на почвѣ, отъ которой пахнетъ бойней»), тогда какъ Суворинъ и возглавленное имъ «Н. Время» были въ рядахъ яростныхъ травителей Дрейфуса. Не переваривая вообще «Н. В.», Чеховъ теперь называетъ эту газету гнусной, отвратительной. «Телеграммы изъ Парижа (о «дрейфусидахъ»),—пишетъ онъ Ал. Чехову,—нельзя читать безъ омерзѣнія, это не телеграммы, а чистѣйшій подлогъ и мошенничество... Это не газета, а звѣринецъ, это стая голодныхъ, кусающихъ другъ друга за хвосты шакаловъ, это чертъ знаетъ что»...

Автобиографію А. П. Чехова—«Письма»—надо читать, чтобы почувствовать, что это за чудесная книга.

А. Е.

## Автобиографія Чехова.

(Письма А. П. Чехова, томъ пятый).

Каждый новый томъ писемъ А. П. Чехова—новая радость большая для читателей, новый цѣнный вкладъ въ сокровищницу литературы нашей, новый яркій лучъ свѣта на Чехова—художника и человѣка.

О многообразномъ значеніи писемъ Чехова, въ связи съ выходомъ первыхъ четырехъ томовъ, наша литературная критика говорила много и единодушно. Отмѣчалась важность ихъ для болѣе полного и углубленнаго пониманія характера и сущности проникновеннаго художественнаго творчества А. П., творчества нѣжнаго, какъ лепестки только что распустившейся пышной розы, многограннаго, какъ многогранна сама жизнь. Отмѣчалась совершенно исключительная цѣнность писемъ для уясненія методовъ и приемовъ классическаго чеховскаго художественнаго мастерства, его творческихъ «мукъ слова». Конечно, писалось и о томъ, что письма—богатѣйшій матеріалъ для біографіи такъ рано отошедшаго отъ насъ писателя.

Стыдливо-скромный Чеховъ, не переносившій не только рекламу, такъ сладостно теперь любимую огромнымъ большинствомъ современныхъ писателей, но даже самый легкій намекъ на шумъ около его имени, на просьбу Г. И. Россолимо написать автобиографическій очеркъ, испуганно пишетъ: